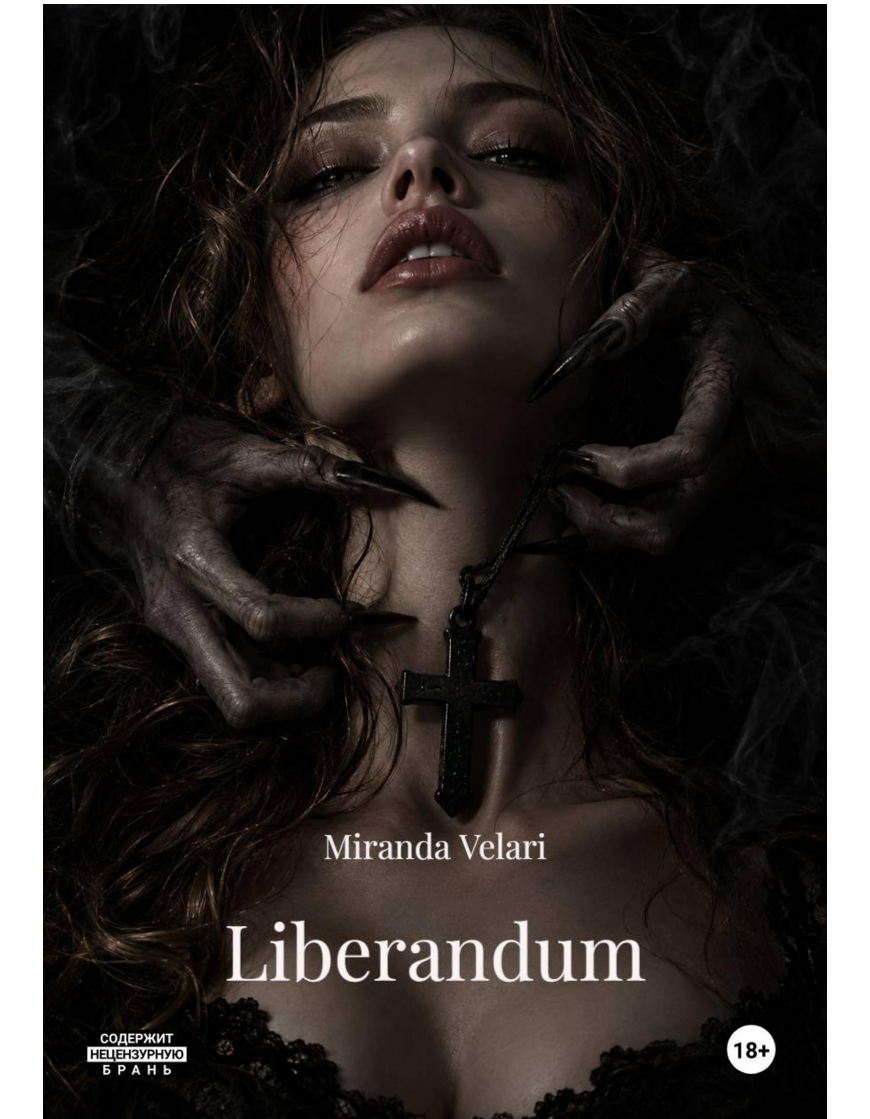

Miranda Velari

Liberandum

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Miranda Velari

Liberandum

<https://litres.ru/74598523>

SelfPub; 2026

Аннотация

То, что изначально извращено, неизбежно приходит к гибели
- *Quod ab initio corruptum est, in finem perditur.*

Дом Нолы - не просто место, замкнутый круг вины и подмененной любви, где жертва рождает жертву, а милость обворачивается насилием.

Ия - дитя этой ошибки. Живая там где должна была остаться тенью. Память ее лжет, но плоть хранит истину, и с каждым шагом становиться яснее: искупление здесь невозможно, потому что грех не был создан.

Но даже во тьме остается выбор. Не между добром и злом - а между покорностью и ответом.

- "Я покажу, как играют девочки, у которых небыло кукол"
Non serviam.

Miranda Velari

Liberandum

Глава 1

За мной идут демоны,

Спи любовь моя, я похоронила тебя под грушевом деревом.

Твоя колыбель земля да ветки!

Ты оставил на моем сердце глубокие отметки.

*ПОСВЯЩАЕТСЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ, МОЕЙ СО-
БАКЕ ЛЕГО. ТЫ СУМЕЛ ОТЫСКАТЬ В МРАКЕ МОЕЙ
СУЩНОСТИ ДУШУ. ВЕЧНАЯ ТЕБЕ ПАМЯТЬ И СКОРЬ.
ПРОЩАЙ МОЙ ДРУГ! МЕНЯ НЕ БУДЕТ В РАЮ!*

17.04.2018-07.08.2022гг

Abyssus abyssum invoke/ бездна взывает к бездне.

Точно мелкая жабенка, возмущённо раздуваю алые щёчки, крича во всю мощь тоненького, ослабшего от обиды голоса:

— Бессердечный!

Брат мальчишкой часами ревел над бабочкой, угодившей в плен кровожадному пауку! Что изменились за время его долго отсутствия. Неужели я стала ничтожней букашки, и моя боль, для него лишь белый шум?

В сердцах швыряю ничтожный плюшевый откуп, на задние сидение автомобиля, обтянутое нежнейшей черной кожей, замолкая, в гудящем раздумье:

- Разве глупая игрушка способна загладить десять лет твоего отсутствия?!

Смотрю в сытую, каменную рожу, и ничего кроме лощёного блеска и вычурного высокомерия в нем не вижу. Борода и то уложена слишком идеально. Хватит! Злюсь про себя, аж поджилки трясутся, раз ему безразличны мои мольбы. Мои, черт-поberi чувства, я отрекаюсь! Мужчина за рулем отныне мне никто-шофер.

- Ты мне никто! Шофер! – Произношу тише чем планировала.

Пауза. Дождь монотонно стучит по стеклу, как пальцы во время стресса.

Его пухлые губы едва заметно дрогнули будто он сдержал... смех? Мерзко.

Спесь варварски разрывает голосовые связки, вырывая былую мягкость с корнем становится напряженным, словно чужеродным:

- Очередное предательство!

Он плюнул мне в душу, и ждет, извинений.

А он смотрит вперед. Всегда вперед. Будто меня здесь нет, и никогда не было. И вот тогда это происходит. Не вспышка не крик. Хуже, молчание.

Напыщенный высокомерный ублюдок и глазом не ведет в мою сторону, продолжая сосредоточенно пялится на дорогу сквозь замыленное дождем лобовое стекло, впиваясь холёными ногтями в кожаный руль блестящего черного мерседеса, так, словно пытаюсь вырвать из него душу! Его хладнокровное молчание, не просто триггер, атомная бомба, разбавшая мою душу на атомы!

У меня от ярости пальцы на ногах в кулак сжимаются. Обхватываю себя за плечи, тело трясет не от холода, от него. От того как между нами натягивается невидимая струна, еще не много - и лопнет или перережет нас обоих. А он словно мраморное изваяние, но все же кое-что человеческое ему чуждо, я кое-что заметила:

Мы плелись от психушки к парковке пару метров, по ка-

менным волнам тротуарной плитки, тогда-то и подметила, как брат подволакивает за собой ногу. Высокий, сильный мужчина, с хромотой, что может быть сексуальнее.

— Давно хромаешь на левую ногу? - Интересуюсь мимоходом, а не потому, что меня волнует его несчастная жизнь!

- Ой! — язвительно бросает, - оглядывается на меня, кажется растирающими движениями бедра, - а мы и забыли, да? — Голос мягкий почти ласковый, но с претензий, будто я должна помнить все его болячки!

Но от этого только хуже, я молча надуваю губы, не поддаваясь на бессовестную провокацию:

— Обещал забрать меня! — Швыряю ему в рожу клятву, данную им, только он так и не рискнул воплотить ее в жизнь. Слова тут же растворяются в воздух пропитанном бензином, оставляя горькое эхо невыполненного долга. Обида, ютившаяся в моем крошечном юном сердечке десяток лет, наконец врывается наружу неконтролируемой яростью!

Не дожидаясь ответа, распахиваю дверь и на полном ходу автомобиля, под жалобное визжание тормозов, прямым вылетаю на оживлённую проезжую часть. Выскочив на свежий воздух, мчусь со всех ног к пирсу. Острая галька намертво вонзается в тонкую подошву кед, разрезая ступни до крови. Несмотря на жуткий дискомфорт, выдохнула я, когда ухватила взмокшими от бешенства ладонями за холодную сталь ограждения!

Небеса с редкой проседью рваных облаков, громopodob-

ным рёвом извергают леденящий ливень. Завывает колючий весенний ветер, пронзая резкими порывами найковский дождевик, заставляя трястись от холода искалеченное правдой тельце! Закат, истекающий лиловым багрянцем, безжалостно топит ярко-красное солнце, вместе с последним бликом надежды за кровавой кромкой ноющего в ушах холодного моря. Позади меня, неторопливо возникла высокая сутулая тень Бишли. Опершись поясницей на штакетник, его истерзанный рутиной и усталостью голос небрежно полился какой-то болезненной ломотой по моим ушам:

- Ты бы не хотела.

Вот теперь точно становиться не по себе, его тяжелый взгляд точно тупое лезвие оставляет на мне болезненные рваные раны.

— Понятие не имеешь, чего я хочу. - Огрызаюсь, с манерным фырканием, обиженно скрещивая руки на груди.

- О нет, - Надменно ухмыляется, - я знаю о твоих желаниях. Если думаешь ложь о потере памяти спасет, ошибаешься! - Злобно шипит в ответ.

Сказанное братом срывается с губ с щемящей сердце ненавистью, невольно заставляя мою душонку испуганно трепыхаться под ребрами, будто та нарочно обнажилось перед холодным, разъярённым ветром, взбрасывающий к смоленным небесам соленые морские волны!

7 лет назад врачи добавили в моей скромный словарный запас очередное заумное слово «Диссоциативная амнезия»:

— Это был несчастный случай..., - Удивленно оправдываюсь перед гадом. Жаль взгляд не умеет резать, так бы и расположила его симпатичную морду на лоскутки.

- ну да, - буркнул совершенно безучастно, глядя на меня сквозь хитрый как у лиса прищур.

Длинные мужские пальцы с лёгкостью проскальзывают в заполненный дождевой водой карман коричневого клетчатого пиджака. Из-под которого торчит велюровая горловина облегающей водолазки, удачно подчёркивающая накаченную, взмокшую грудь хозяина, та аккуратна, заправлена в кремовые классические брюки. Ювелирно вынув недавно открытую пачку Philip Morris, безразлично подытоживает:

- Не драматизируй! – Перекладывая сигареты в задний карман брюк. – Забыла в какой я заднице ягодка?

Мои воспоминания буквально въедаются в уставшее лицо старшего брата, старательно конструируя чуждые мне черты во что-то знакомое, но тщетно.

За десять лет Блер сильно изменился. От худощавого долговязого мальчишки с серо-зелеными глазами на выкат и слащавой физиономией ни осталось и следа. Детский румянец давно спал, обнажив высокие точеные скулы, а нежный бархат кожи намертво скрыла грубая медная щетина, превращающаяся в крепкую бороду. Отребье брат сменил на изысканные и модные костюмы, культурная и лаконичная речь вытеснила нецензурную брань, став убедительной и до неприличия высокомерной, ведь он, в отличие от своей необ-

разованной семейки известный детский психолог в большом городе. Но вот взгляд, взгляд остался прежнем осуждающим и наглым, как и манера общения, нисколько не трансформировавшая за долгое время его отсутствия, вся та же требовательность и жесткость. Мне хватило пятнадцати минут, с момента нашей встречи разгадать его подгнившее я.

Будто прошла целая вечность...

- В какой? – Уставляюсь на бледную рожу брата огромными растерянными глазами, полные абсолютного непонимания.

Взгляд Бишли взволнованно метнулся от меня к пирсу, оттуда перекинулся на случайных прохожих, ютившихся под широкими зонтами, выворачивающимися от лихих порывов ветра, с любопытством разглядывающие потрясающий мерс, «диковинная штучка для столь бедного и дикого Кроус-Бик». Брат затеребил идеально уложенные волосы, слипшиеся от воды. Лоб сию же секунду располосовало паническое недоумение, поджавшее уста в едва видную бледную линию.

Будто ютимся на крошечном куске льда посреди бескрайнего океана, и от его ответа зависит наша дальнейшая судьба, удивляюсь про себя, выхватывая с алого горизонта растерянный взгляд брата.

Сквозь идеально отшлифованную улыбку, хлестко летит мне в лицо:

- К чему этот спектакль Ия? – Произносит блондин с

отрезвляющей холодностью. Только прищуренный, напряженный взгляд выдает истинные намерения статного на первый взгляд уверенного в себе мужчины, и те отнюдь не благочестивые. - Хочешь выставить меня перед людьми мразью, кинувшей бедную крошку на попечительство сумасшедшей старухи? — Полосуя меня на живую, стальным, как скальпель патологоанатома, голосом. - Тогда и я расскажу о твоих демонах Ия.

Мы ушли под воду! Где от смерти тебя отделяет всего один вздох. А я глотнула полные легкие воды.

Ливень с надрывным ревом, срывается с небес напоминая острейшие иглы. Стальной гул, ни на секунду не заглушает голос Биша полный отчаянья и боли.

Я словно пригоршню песка проглотила, во рту все связало и слова скомкались в один не понятный гортанный звук:

- Демоны? - С шумом сглотнула сухой ком вставший в глотке, - сума сошел?

— Мы сошли, — отрешенно поправляет меня, выдерживая паузу, что не сказать, шутит он, или уже отдался всей сумасшедшей красе безумия.

За шиворот ручьем льется дождевая вода, а рядом с ним радость от встречи омрачена, необъяснимым ужасом, проникающий под кожу, отзывающаяся страхом в каждой несформировавшейся мысли о помощи, в каждом не издавшемся писке, осевшим на оледенелых губах, словно я смотрю в глаза своему убийце.

Его идеально выщипанные брови вновь грозно сдвинулись, и он продолжил: — Все мы Ия. Порой кажется, только Аграт сохранила трезвость. - Энтузиазм в его голосе бесследно исчез, оставив после себя гнетущие давление. Благодаря натренированным мышцам лица, моя челюсть лишь немного приоткрылась от удивления, а не отвалилась к чертям!

- Все еще вместе? – Горестно подмечаю.

— Она изменилась, — успокаивает Биш. — Да, я тоже, — отчужденно добавил, лаская блуждающим взглядом штормовые волны, бьющиеся над седой гладью ревущего моря.

— Не очень-то веритья, — безинтересно брякнула, приглаживая сбитые ветром каштановые кудри, от дождя превратившиеся в воронье гнездо.

Закинув широкий, аристократичный подбородок на плечо, устремляет взгляд сквозь мое пылающее обидой личико, далеко на юг, словно передним жалкий призрак прошлых лет.

- Не хочу надолго задерживаться здесь. – шепчет, подслащивая пухлые уста обаятельной ухмылкой.

По загровку заносились мурашки от натянутой улыбке молодого мужчины, блаженно растекшейся по моей душе.

На секунду кажется: я в силах забыть о детских обидах, болезненно тлеющих в груди, и отдаться вспыхнувшему, жгучему желанию прильнуть в братские объятья. Но я вовремя подпираю склонившуюся на бок балку, давно заменившая стан, и гордо отстраняюсь в сторону. Между нами,

не просто пропасть длиною в десятилетие, между нами, целая жизнь и его безразличие.

Взгляд потяжелел от слез, предательски пробивающиеся сквозь длиннущие ресницы, заставляя меня опустить голову.

- Скоро все закончится! — Смягчит наконец командирский тон.

— Что? — с напряжённым интересом переспрашиваю, что это у него все закончиться? С трудом сдерживая накатившие воспоминания, гроздья сыплющиеся с щек, смущенно пряча подрагивающие уголки губ за тонкой ладонью!

— Бездна вызывает к бездне, — озабоченно произносит, швыряя носом, крутит им по сторонам, и моя - уже откликается. Настало время тяжелых решений Ия, но я справлюсь, - а затем его рука как не в чем не бывало холодно касается моего плеча. Оставляя мне выжженное безродным огнем поле, для размышления над его очередным бредом.

Колеса автомобиля мелодично зашуршали по гравию, и мы заехали на неухоженный газон у дома. Пожухшая с того лета, трава вытянулась за теплую зиму, и сквозь сухую безжизненную солому начали пробиваться сочные зеленые побеги, усердно рвущиеся к теплему весеннему солнышку.

Наши взгляды случайно столкнулись на зеркале переднего вида, мы молча признаем обоюдное отвращение после двухчасовой беседы по пути домой, пряча глаза в самообма-

не пустых надежд, мол все еще ценим эту чертову жизнь.

Я уж точно нет...

Дверные ручки щелкнули, и каждый выходит со своей стороны. Не успели выбраться из автомобиля, к нам на всех парах мчится «дойная корова» в шикарном черном кожаном плаще, отвратительно плохо скрывающем болтающиеся до небольшого животика два бидона вместо аккуратной женской груди!

- Бишли! – Радостно вскрикнула Аграт, повисая на шее женишка, утапливая физиономию любимого в слащавых поцелуях. – Какой ты мокрый!

- Привет, Фаер! – Меня свалила на землю бросившаяся под ноги черно-белая старушка бордер-колли с красивым ярко-рыжим пятном на левом ухе! Та приветливо машет облезлым хвостом, с любопытством тыча мокрым носом в мягкую лапу новой плюшевой игрушки. Собачья шерсть кое где безобразно скаталась и пахнет мокрой псиной, а с боков и вовсе отсутствует. Я слежу за своей дворняжкой, но эта дама свободная птичка и частенько таскается с местными беспризорными кабелями.

- Возле моря разыгралась непогода, - жалуется блондин, приобняв белобрысую курву за тонкую талию.

А мне остаётся растерянно крутить в руках кусок набитого плюша, рассуждая про себя:

Будь мне десять, я описалась бы от восторга! Но мне на секундочку почти семнадцать, и белоснежный медведь с ро-

зовым пузом и умилительным бархатным сердечком вместо носика, подаренный братом, увы и ах, ничего, кроме разочарования, не приносит!

Деревянная дверь заскрипела, и на ветхую веранду, опираясь на старую сухую палку, заменяющую пожилой женщи- не трость, выкатилась в заношенном темно-бордовом халате пузатая Нола – моя бабка. Сурово сверкнув серыми глази- щами, громко скомандовала, будто повелительница стихий: - А ну домой! Сейчас начнется ливень!

Скупой рукой вечернее небо усыпано малюсенькими блеклыми звездочками, скрывшиеся от глаз за тяжелой удушливой пеленой грозовых туч. Вдали гроыхает гром, а под ногами от ветра стелется влажный, давно некошенный га- зон. От непогоды в центре мы скрылись в доме, а что, если шторм настигнет нас в ветхих стенах укрытия?

В детстве Нола баловала нас с братом одной мрачной ис- торией: - Сотню лет назад, наш не суеверный народишко гурьбой кинулся в местную церквушку просить батюшку, как сейчас помню его фамилию – Зайтке, осветить кукуруз- ные поля, на которых возведена наша деревушка со школой и госпиталем. Бедняги устали от разной чертовщины, проис- ходившей в городке. Все из-за людской злобы, – с недоброй ухмылкой добавила бабка, – виной тому каменный дом на холме, по одной из легенд построенный за одну ночь темны- ми силами. Какие только истории не складывали старожилы Кроус-Бик о таинственной дьявольской постройке, мол в

нем вместо пола огромная дыра ведущая в преисподнюю, а по другой в подвале заточен сам Сатана. Много чуши слышала, и все же отрицать проклятье этого дома не стоит. О чем говорит сложная судьба Браш, проживающая на данный момент в убежище дьявола, их драма без лишних слов достойна экранизации.

А вот у подножья, дома возводили строительные компании, поэтому картина обстоит не лучше, каркасные старые халупы. Вторые этажи заливает дождями, первые тонут в канализационных стоках.

Начесывая Фаер разодранное в неравном бою с лисицей ушко, то и дело ловлю на себе вопросительный взгляд белобрысой крысы.

- Хочешь поговорить, подойти?! — Размышляю про себя я. А пялиться на людей, выпучив глазищи, дурной тон! Поднимаюсь с колен, хлопая себя по бедру: - Пойдем, девочка! — Ласково зову собачонку, и та следует за мной в дом.

Взгромоздив на ступень веранды носок промокших кед, под ногой истошно взвыли старые неотесанные деревяшки. Не спрашивая меня, хочу того или нет, мою голову насильно пронзает очередная вспышка тягучих и болезненных воспоминаний, утаскивая глубоко в прошлое.

Мой рассудок вынимает из глубин память один яркий кусок за другим, безжалостно надавливая на болезненную рану, с трудом покрывшуюся кровавой корочкой, словно не позволяя забыть то, от чего не спасла амнезия: 1, 2, 3...

Один.

Кухня.

Два.

Глаза жжет от копоти старых сковородок с пригоревшей глазуньей. Я сижу на стуле, прижав к обнаженной груди ногу, закинув на коленку подбородок.

Три...

Распущенные волосы щекочат замерзшую спинку, продуваемую тонкими струйками сквозняка, тянущегося из рамы, стискивающая цветные стеклышки смальта, уложенные в замысловатые ассиметричные фигуры.

- Тупая ты обезьяна, девчонке в школу! — Из спальни соседа Стива, живущего в доме напротив, бурчание бабули доносится до меня рваными несформировавшимися кусками.
- Что скажут учителя, увидев замарашку в умат! — Разгневанно заканчивает она.

Я постукиваю подушечкой большого пальца по теплому фильтру сигареты, сжатой между указательным и средним, пепел сыпется на уложенный несколькими месяцами ранее дубовый паркет. Я выпала из реальности на день или два? В голове липкая каша, я затягиваюсь по-взрослому, выпускаю в холодный воздух пару широких никотиновых колец, медленно тающих в смраде горелых яиц.

Рассвет медленно пробирается в «капище» на мрачных стенах оживают игривые тени. Я поднимаюсь со стула придерживаясь за хлипкую спинку, ноги дрожат от холода и пе-

ренапряжения, будто я только, что пробежала чертов марафон, сука! Где-то раздается громкий хлопок, насильно врывающий к реальности, я роняю взгляд на разбитые в кровь колени, отдавая себе полный отчет, моя жизнь никогда не будет прежней.

- Пару засосов никто не заметит, — цинично заявляет второй, его я слышу отчетливей. В груди опять начинает ныть сердце.

Запрокинув голову назад, потираю раскрашенную фиолетовыми синяками шею с отпечатками пальцев Уокера, та же картина на груди и бедрах.

Все же сколько я провела времени в этой чертовой темнице? На мой вопрос негласно ответит бабуля, ее фальцет ударил по мозгам прежде, чем мерзкая коричневая физиономия проскользнула через разноцветный звенящий стеклярус, болтающийся в кухонном дверном проеме:

- Ни на день тебя оставить нельзя! — Недовольно обжигает меня взглядом, обходит сбоку, усаживаясь за мной на краешек высокого мраморного стола, тяжело вздыхает: - Ну что, — ее рука милосердно падает на мое плечо, сдавливая ключицу до боли: - Поздравляю, девственность терять всегда больно!

Меня рвет на куски от желания взглянуть в ее бессовестные лживые глаза, еще цвета морского океана. Только я заведомо знаю, их давно сожрало безразличие. И в ее чертах, отныне я не обнаружу ничего родного. А значит последние

крохи сил, приберегу для попытки побега, и молча соглашусь на безапелляционное заявление бабки. Нола старше и опытней, а значит, в ее словах присутствует долька истины, и «девственность терять больно!»

Я тихонечко захлебываюсь слезами от резких приступов колющей боли внизу живота. Все же, не так я представляла первый опыт. Картина, сложившаяся из сочных вкусных рассказов одноклассниц, на деле оказалась лакмусовой бумажкой, спрятавшей под ярким окрасом чистейшую ложь и вымысел. Из меня выбили душу, порвали в нескольких местах, унизили, уничтожили! Как мерзко и прискорбно ни было от данной мысли: «Я не хочу быть женщиной!» Ага, конечно... Надеюсь, вскоре перестанет жечь клитор, сколько бы раз ни пыталась пописать, ничего не выходит, несмотря на ежесекундные позывы мочевого пузыря!

Явь безобразно мощно давит со всех сторон: от деревянных стен, покрытых ярко-оранжевой огнеупорной краской, до высокого беленого потолка. Зато внутри всё распирает с такой мощностью, что плакать хочется, а слез не стало, я всё выплакала, выстрадала, вымолила и осталась Богом не услышана! Следом из спальни выперся сам хозяин дома. Довольно высокий мужчина в возрасте, обремененный огромным сальным животом, свисающим на длинные узкие трусы в синюю клетку. Грудь волосатая, башка яйцевидная, а на лысой макушке кепка с эмблемой бейсбольной команды «Мейпл Лиф». За местных он не болел, да их и не было! —

Отойдёт! — Прочищая глотку, хрипит Стив, направляясь к конфорке, выключает огонь. Яйца превратились в горячие полыхающие угольки. — Это трава, — хихикает, — никто от нее не умирал!

Моя бабка еще ничего: стройная, с красивыми рыжими волосами и изредка появляющейся на пухлых устах обворожительной улыбке. Что ее тянет к этому монстру, я понятия не имею! — Пойдем, Ия, — Ругаясь та шепотом, небрежно взяв меня под руку, всучивает маечку, прихваченную из спальни Стива. — Успеешь на второй урок!

Более двух месяцев мои легкие не тухли от углекислого газа и плесени в углах, старых высоких потолков обители зла и порока. Зайдя в дом, мое тело невольно стиснули траурно-белые стены узенького коридорчика. По обеим сторонам намертво вкручены готические стальные крючки с козлиной рогатой мордой Бафомета, с небрежно накинута на них верхней одеждой. Чуть дальше в глаза бросается массивная дубовая винтовая лестница на второй этаж, туда-то, не раздеваясь, шмыгнул Бишли, протащив следом за рукав садомазохистского плаща свою «суперзвезду».

Скинув парадные «тапки», по-хозяйски прошлепала в затоптанных носочках направо в гостиную, обнаружив там шикарнейший праздничный стол с белой кружевной скатертью и разными яствами, крепкой выпивкой и кучей соленых закусок! — М-мм! Тяжело сглатываю образовавшуюся во рту слюну. Видимо, бабка действительно рада приезду долго-

жданного внука. Жаль, не внучки. В юности я предоставила ей немало хлопот, и, будь ее воля, та давно утопила бы меня, как котенка. В нашем случае далеко идти не придется, на заднем дворе дома старый колодец.

Нола — Люциферианка. Батюшки свет, совсем из башки вылетела приверженка виккианства. Все же ей стоит отдать должное, та отправила меня в психушку! Несмотря на ее единственный благородный поступок, бабушка она отвратительная! Жадная, грубая, да и словно люблю для нее нечто чуждое и непонятное. Сама невысокая, пухлая старушенция с парой грыж в позвоночнике, мешающих ее нормальному существованию! Изредка оставаясь на ночевку в ее доме, меня по традиции в четыре утра будят душераздирающие охи-ахи Нолы, та усердно растирает свои локтевые суставы разными разогревающими мазями, надеясь спастись от артроза. После ковыляет укладывать пепельно-черные пакли в строгий пучок к старому жуткому трельяжу, в отличие от тумб по бокам, ящик в центре закрыт на ключ. Чего греха таить, приходилось шарится в вонючих тряпках бабули в поисках мелочевки, ей-то она не нужна, а мне пригодится на какие-нибудь вкусняшки. Деньги-то она мне не дает!

Бабка частенько забывает о вставной челюсти, болтающейся в стакане с протухшей водой, спрятанном на одной из пустых полок в ее красивом резном шкафу. Умелое произведение стоматологов превращает десны бабули в кровавое месиво, впрочем, оно ей ни к чему, улыбается она все равно

редко. Стоит привести себя в порядок, прежде чем усесться трапезничать, размышляю я, осматривая на себе потрепанный дождевичок, между прочим, доставшийся в наследство от брата. На подкладке иметься пара дыр, заштопанные в страхе детской ручонкой Бишли во избежание очередного наказания от Нолы! Лестница скрипит, сколько себя помню, 1 ступень, 2, 3...

Не счастливый декабрь, — во весь голос причитает Нола, — я не счастливая, — тяжело вздохнув, бьет меня по лбу, — Бестолочь! — Сердито хмурит тяжелые посеребренные брови. — Не дергайся!

Бабулю раздражает мое беспричинное болтание ногами. А я лишь избавляюсь от внутреннего напряжения. За год до кончины матери нам частенько приходилось посещать это неприятное заведение, пропахшее хлоркой и смертью. Я знала, как пахнет смерть, хоть мать и умерла дома в своей постели, от нее долгое время несло химозными медицинскими препаратами, теми, что продают в аптеках в психоневрологическом отделении, этажом ниже. Мы сейчас на четвёртом. Отодрав занемевшую задницу от жесткой сидухи стального стула, разворачиваюсь и прилипаю носом к покрытому инеем голубоватому окну, невообразимо нежно подсвечивающийся пунцовыми лучами оранжевого солнца, лениво выползающего из-за горизонта. Крупные хлопья снега насмерть разбиваются об стекло, укрывая холодными тельцами мертвый зимний сад: из-под снежных шапок торчат

зеленые колючие лапы высоченных елей и душистых пихт. Под тяжестью белого пушистого покрывала скукожились худощавые туи, а кусты можжевельника погребены под массивными сугробами, высунув из-под них пару лысых веток в надежде быть увиденными и спасенными. Возможно, во всей этой первобытной красоте есть что-то потрясающее и душещипательное. Но я слишком напугана, как бы ни старалась изображать храбрую девчонку, у меня трясутся коленки, ведь причина для паники у меня есть, по словам Нолы, у меня лунатизм. Болезнь матери началась с того же!

- Додумалась лобзаться с выпускником в фойе школы, идиотка! - Со злостью плюётся старуха, к счастью, коридор пуст, и моя уничтоженная в пыль самооценка остается в безопасности! – тебе еще 4 года учиться, а у меня нет денег на репетиторов, а главное, напрочь отсутствует желание переводить тебя на домашнее обучение! - Строга, произносит та. - Мне достаточно видеть твою рожу на выходных!

В одиннадцать лет я мечтала о школе. Могла часами проводить за чистописанием, выводя одну и ту же букву, доводя ее до идеала! Я обожала запах старых книг, шуршание сухих страниц и выцветшие, увлекательные, захватывающие дух картинки. Мою голову переполняли грезы о путешествиях, поисках сокровищ и тайных знаниях, доступных только мне, естественно, мечтала и о чистой любви! Места которой не окажется в моей жизни, впрочем, как и всему остальному.

- Сама разрешила крутить траву, - Бурчу под нос, оставляя

на окне теплый пар от дыхания.

«Обдолбанная» — состояние тотального безразличия и пугающей эйфории, переставшая быть для меня чем-то невообразимо необъяснимым. Напротив, запрещенные вещества укрывали мое уничтоженное эмоциональное и физическое состояние под непроглядной вуалью эфемерной лжи, достаточной для того, чтобы выжить. Ведь встреча со Стивом повторилась на следующий день, а затем снова, снова и снова. Это было похоже на замкнутый круг, из которого нет выхода. Каждый новый день приносил новую дозу иллюзии счастья, которая исчезала так же быстро, как и появлялась.

- Нола! Рад вас видеть!

Из кабинета не спеша вышел сторбившийся молодой мужчина в белом халате, и круглых очках небрежно висевшие на мясистом носу. - Мне так жаль, — наигранно произнёс доктор, чем заставляет меня отклеиться от плексигласа и сконцентрировать все внимание, на фальшивой беседе двух взрослых людей. — Вы не заслуживаете свалившуюся на вас ношу!

- Благодарю вас, мистер Грин, — любезничает Нола. — Пути господни неисповедимы. — Тогда я первый и последний раз слышала от бабули «Господи». Оливии нет с нами уже год, а я до сих пор расхлебываю за ней последствия бездумного решения! - Обреченно вздыхает, цепляясь со мной взглядом, пару секунд держа паузу, не отрывая от меня глаз, мол, посмотрите на это убожество!

— Безумно несправедливая чередa событий: побег внука, смерть дочери, теперь еще это... — обвинительно проговорил доктор, хватаясь за лысеющую голову.

Ранее мне не приходилось встречаться с доктором Грином. Но мне оказалось достаточно взгляда, чтобы унюхать зловонную гниль его черной душонки!

— Буду с вами искренне! — Удрученно всхлипнула бабуля, укладывая руку на сердце.

Доктор скривил неприлично заинтересованную физиономию, словно боясь упустить тайный смысл, скрытый в типичной для Кроус-Бик семейной трагедии.

— Долгое время во мне теплилась надежда на взорвавшегося Бишли и его благоразумие, — аккуратно промокнув широкие крылья носа шелковым платком, продолжила, — побег — полбеда, — бабка заговорила немного тише и сквозь зубы, — так он прихватил с собой эту двухвостку Фокс! — Косится на меня одним глазом. — К сожалению, Оливия не справилась с мерзким предательством сына! А теперь это, — указывает на меня пальцем, и я тут же скукоживаюсь от страха, точно подпортившийся виноград. — Я сплю чутко, — чуть понижает голос, — просыпаюсь от малейшего шороха! Несколько раз посреди ночи приходилось ловить девчонку на опалубке колодца! Не хочу и внучку хранить, понимаю те меня! Вы помните, - с нажимом произносит она, - болезнь моей дочери начиналась с безумных кошмаров, полных истерических криков: - Меня жрут черти, мама! — Кричала

моя доченька! (Доктор вздрогнул от неожиданного возгласа Нолы.) Моему белокурому ангелочку мерещились бурлящие котлы и демоны! - Пояснила та, жадно подгребая к себе растопыренными пальцами рук, душный, влажный воздух.

— Значит, ходишь во сне, ягодка? – Обращается ко мне Грин с рожей, напоминающей старый заношенный до дыр тапок. – Я проведу осмотр, если вы не против?

Бабуля была не против.

Оказавшись в кабинете с главврачом наедине, я едва продохнула от вороха личных вопросов, свалившихся мне на как снег на голову. По моим скомканным ответам Грин понял пару важных вещей: никого, кроме Нолы у меня нет, а той абсолютно плевать на меня и всевозможные последствия того, что со мной может произойти. Чем больше болтаю, тем сложнее становилось игнорировать пыткий, взволнованный взгляд доктора, проникающий сквозь слои теплой одежды прямоком к горячей коже. За тридцать минут, оживленной беседы мои виски нервно пульсировали от горячих капель пота, текущих по лицу, груди и шеи, но я так и не рискнула снять верхнюю одежду, словно боясь быть сожранной самым опасным хищником.

Именно от доктора Грина я узнала о своем диагнозе F23.1 до сих пор не подтвержденном ни одним врачом, кроме него.

— Мудак! – Бурчу, кидая на разбросанную кровать в центре комнаты плюшевого медведя. — Десять лет не виделись,

— расстроено поглядываю на измятую игрушку, — женщинам дарят бижутерию! — Возмущаюсь я. — На край цветы, кто их не любит? Возможно, он подумал: раз у нас есть придомовой участок и лес в паре метров, я сама в силах нарвать полевых цветов для букета. Анемон здесь много, ромашек и куча иной вонючей травы, из которой Нола варит себе зелья. А вот роз, гибискусов и прочих изыска нет!

Может, этот высокомерный поденок считает себя основным подарком, а глупую игрушку лишь ничтожным дополнением? Десять лет я ждала момента свалить из ада, а он в одночасье разрушал мою жизнь, поделившись истинной причиной возврата в Кроус-Бик за время долгой дороги домой. Посмотрим, что на это ответит бабуля.

Спустившись вниз, я плюхнулась на один из пустых скрипучих стульев с мягкой обивкой, в этом доме скрепит все, кажется даже воздух. — Эх, - мечтательно вздыхаю, воображая завтрашний «насыщенный» день с братом.

Через некоторое время за спиной раздается громкий цокот блядских ботфортов Аграт. Я чуть не вывернула шею, разглядывая на ней черное широкое атласное платье на тонких бретельках, одетое поверх соболиного цвета облегающей водолазки с высоким воротом, сексуально подчеркивающая ее тонкие ключицы. - Черт, - раздраженно буркнула себе под нос, когда та села передо мной. Я завистливо закусила губу, умоляя себя не пялиться на стоящие колом соски Фокс, вызывающее просвечивающее сквозь дорожку ткань!

Следом спустился Бишли, наряд брата, более приземленный, провожая гостя взглядом, успеваю рассмотреть довольно накаченные ягодицы, спрятанные под новыми серыми трениками, почему новыми: у старых бы торчали коленки! А майка вот не первой свежести, на ткани виднеются небольшие катышки. Впрочем, всё меркнет на фоне мужских мощных бицепсов, изрытых набухшими венами.

- Как мило, - обиженно вздыхаю, наблюдая небольшую прелюдию, блондин нежно наглаживает мизинцем, ребро ладони своей подруженции.

Центр стола достался хозяйке дома.

На засаленных скатертях взгромоздились словно каменные глыбы тяжелые фарфоровые тарелки, поблескивающие от жира, кое-где на посуде виднеются остатки засохшей пищи. Последний раз из них ели на похоронах матери. Не очень помню тот день, может, то к лучшему, по рассказам бабули, я страшно напилась, понятия не имею, откуда достала выпивку, но к концу церемонии и двух слов связать не могла, к тому же меня стошнило в погребальную яму. Стыдливо поджав губы, жмурюсь, торопливо прогоняя прочь встающие перед глазами жалкие обрывки воспоминаний того жуткого дня. Нервно принимаясь расправлять на коленях пеструю хлопчатую салфетку.

Ну-у-с, — замычала Аграт, надеясь за манерами упрятать безгливость, изящно сложив кисти рук, спрятанные под массивными золотыми браслетами, на край стола. С каждым

ее словом, голос становится более раздражённым и высокомерным, Фокс слегка наклонила голову, не приятно уставившись на меня. — За десять лет ничего не изменилось! — Обвинительно выплюнула.

Видимо имея ввиду отошедшие от стен темно зеленые обои со странами готическими вязелями, старую цветастую мебель, а может снятый местами паркет, обнажающий серый, холодный неровный бетон, хотя облупившийся белый потолок и огромная пыльная люстра, весившая у нас над головами, тоже ничего кроме уныния не вызывает.

Ее надменный взгляд, требующий ответа, буквально высверлил в моем лбу дыру, а у меня в башке абсолютная пустота, я даже шевеление мозгов не ощущаю ни то, что б зарождение каких-либо мыслей!

— Стабильность, — поспешила оправдаться, сдерживая ползущие от возмущения на лоб коричневые брови с легкой рыжинкой.

— Жалко, — кривляется та, дуя губки.

У меня внутри и так все тротилам посыпано, а ее «жалко», подожжённая спичка брошенное в мое заминированное поле!

- Жалко? – Ошеломленно отозвалась я, вскакивая со стула. - Ты хоть знаешь, значения этого слова Аграт? – Гневно бросаю сквозь зубы. – Это все, что у нас есть! - Рука стиснула узкое горлышко шардоне, еще не много и бьюсь об заклад, швырну в нее тяжеленую бутылку.

- Не надо! - От кудо то со стороны раздался будничный, отстраненный голос Бишли. Спину обдало жаром, я даже оглянуться не смею, на столько мужская энергия прошибает насквозь, аж колени подрагивают. Его ладонь тороплива накрыла мою, силой опуская приподнятую бутылку обратно на стол.

Я мельком глянула на свое «жалкое» отражение в стеклянных дверцах книжного шкафа. Вместо книг и фотоальбомов, забитых нелепыми воспоминаниями, там давно лежат килограммы безысходности, а по раздувшейся от сырости фанере ползают отвратительные, кровожадные пауки. И запал погас сам собой.

- Садись, - Биш резко придвинул стул, ударив неотесанной сидущкой по обратной стороне коленей, я испуганно шмякнулась на попу, не отводя взгляд со своего уничтожено в прах блика.

— Похороны собственной матери не вынудили тебя покинуть Линк-Гроу, что же приключилось? – Встревоженно захрипела старуха, открывая початую бутылку коньяка, принимаясь разливать содержимое по рюмкам, предварительно засунув в них сморщенный кривой палец. – Не уж то у нас проблемы с законом? - Саркастически проговорила Нола, - Та голову теряла при виде властных мужчин с оружием на перевес и наручниками на поясе, однако, когда форму примерил Биш, любовь к копам у бабули резко от пала.

Со слов Блера, они вернулись в Кроус-Бик прошлым

утром. Благополучно разместились в крошечной комнатухе, ранее принадлежавшей мне, плотно поужинали пересоленной стряпней Нолы и с изжогой улеглись спать. А на утро его ждала очередная длинная дорога, на этот раз до центральной городской психбольницы.

- Дело есть, - Биш вернулся на место, вольготно развалившись на определенно тесном ему стуле, - хочу, - мрачно произнес сквозь удушающе не правдоподобную улыбку вежливости, - кое-что вернуть. — Швырнув в меня, тот-же тяжелый, обвиняющий во всех грехах взгляд.

По загровку пробежал холодок. Чую завтра, день не с доброго утра начаться.

Мы настолько отделились друг от друга, что сейчас напоминаем гребанный цирк моральных уродов, изображающих счастливые лица, не принужденно отвечая на бессмысленные, ничего незначащие вопросы, чертова «happy family» с идиотскими улыбками до ушей. Слово в нас нет этих щиплющих до слез ран заставляющая ощущать костровые дыры в искалеченных сердцах при одном упоминание о семье.

Единственная причина почему я вынуждена быть здесь, отсутствие денег на собственное жильё!

В пол тона раздаются лицемерные смешки, будто мы на светском рауте, но не долго, Нола обрывает мишурный блеск, строгим взглядом:

- Прежде чем забыться в веселье, вспомним об Оливии, — заговорила та, приподнимая хрустальную рюмку над сто-

лом, мы следуют тому же. Если бы у вины было лицо, Нола предпочла бы выжить его на физиономии Бишли, причем без всяких обезболов.

Бабуля без стеснения обвиняет внука в смерти своей дочери. Как, по-моему, мать сгубило халатность и нежелание бабки таскать умирающую дочь по больницам после побега Биша. Она надеялась отпоить обессиленную, истерзанную болезнью дочурку разными отварами, собранных на холме у мистического особняка. Ничего не помогало, даже молитвы на арамейском оказались бессильны перед болезнью.

В комнате загудела тяжёлая тишина, нарушаемая тихим звоном столовых приборов. Под каменным выражением лица, Нола до сих пор надеяться спрятать буру рвущая ее от боли и не справедливости на куски. Приятно осознать, что старушечье сердце умело любить. В серых потухших от жизни глазах блеснули слезы, а уголки опущенных под тяжелыми морщинами губ тревожно дрогнули, и та поспешила опустить голову. Не думаю, что этого кто-то заметил кроме меня. Сомневаюсь, что Биш вообще способен кого-то замечать кроме себя.

— Это не моя вина! — Внезапно отозвался он.

— Не надеялась услышать ничего иного! — Горько отрезала старуха, не поднимая головы, опустошает рюмку одним глотком.

Только Аграт слегка пригубила горячительный напиток и тут же сморщилась!

Я залила в себя всю содержимое рюмочки, не рассчитав крепость прежде не известного мне напитка. Давление резко ударило по вискам, перед лицом заматались ошеломленные, полные осуждения взгляды гостей, способные вспороть глотку, и мои щеки от смущения обдало румянцем.

— Алкоголичка! — Чуть ли не шепотом серебрят блондинка, поверхностно поглядывая на меня.

В прошлом Аграт частенько гостила здесь, да вот незадача, она помнит всего одну комнату в этом огромном разваливающемся на кирпичик доме. Если погасить везде свет, она с успехом доберётся до места по запаху травки.

По точеной крысиной морде невестки брата, собранной не одной умелой рукой пластического хирурга, с трудом читаются человеческие эмоции: раздражение и брезгливость! Бедняжка с нетерпением считает минуты до возвращения в свой идеальный глянцевый мир, из которого ее насильно вырвали!

Вот же сволочи!

- Перед кем мне изображать пай девочку? – Огрызнулась я. Моя тарелка все еще пуста, живот нервозно гудит от голода. Я не то, что есть боюсь, не могу смотреть на аппетитную ароматную колбасную закуску, та каким-то образом встаёт поперек глотки не давая продохнуть.

- Ну хотя бы, затем что тебе шестнадцать, - упоенно произнесла девица, - у тебя мордашка отекая, - подчеркнула дрянь, поднося к губам высокий хрустальный бокал на-

треть, заполненный вином.

Где-то глубоко в душе я надеялась остаться серым незаметным пятном, изредка открывающим рот, дабы издать сдавленный смешок на какую-нибудь глупую шутку. Но вот разглагольствовать о личной жизни — увольте. К такому я оказалась не готова! Страдальчески морщась, подпираю голову рукой. Черт ее дери!

Когда ты кричишь о помощи, но раз заразам остаешься не услышанной, смысл на кого-то надеяться отпадает сам собой, и опорой становится твоя дерзость.

Оскорбленно откинувшись на деревянную спинку стула, с отвращением уставилась на свои покусанные ноготки, забившиеся чем-то сухим и черным.

Я со слезами на глазах, забирала документы из учебного учреждения, заведомо зная, на доску выпускников уже никогда не попаду. За моими плечами всего 5 классов, и сучка, не прилично огромный жизненный опыт. Что я могу сопоставить силиконовой кукле, купающейся в славе, любви и дорогих камнях? Ничего.

К счастью, за мой не заржавеет! Самостоятельно наполнив для храбрости хрустальную емкость крепким коньяком, кошусь на бабку. Та не против моего алкоголизма, если он не касается ее кошелька.

Не демонстрируя растерянности, спокойно отвечаю: - Мы с тобой чем-то похожи, - шаря под столом в пустых карманах синих джинс, вспоминая, о забытых на прикроватной тумбе

сигаретах, а мне сейчас хорошая затяжка не помешает.

- Я модель, - гордо вставляет девушка, блаженно поглядывая на меня сквозь не много сомкнутые веки, - я представляю самые модные дома Нью-Йорка! - Раздраженно раздувает ноздри.

Сидящий рядом с ней бородатый красавчик с интересом наблюдает за беседой и за искрящимся клубами негатива, зависшим над каждой из нас, словно оценивая, чей заряд больней ударит.

А я возьми да прысни! – У Нью-Йорка нет вкуса, раз его представляют дешевые проститутки, как ты. – Насмешливо разводя руками.

— Хватит! — Биш словесно одернул меня: — Мы здесь не выяснять отношения! — Поднявшись с места, вонзает кухонный топорик, лежащий на разделочной доске, в горячий кусок стейка, стоящий в центре стола. – Как только я решу свои проблемы, мы с радостью покинем ваш морг.

— Морг? — Бабка в шоке схватилась за грудь, протягивая морщинистую немощную ручонку к бутылке.

— Да! – Скомкано подтвердил Биш.

Мне остается удрученно вздыхать, натирая задержавшийся глаз, и ждать, вдруг это как-то рассосется само!

- Ты спал в этом морге, - распалилась Нола, - ел, - ее скрученный указательный палец словно пронзил воздух уперевшись в Аграт, - трахал эту девицу, в моей постели, пока я сутками пахала в коровнике за копейки, чтоб прокормить

вас.

Над нами нависает тугая гробовая тишина. Для полного абсурда ситуации не хватает настенных часов с сумасшедшей кукушкой.

Собрав остатки своей гордости, хватаю рыбную котлету с пиалы. -Фара, — шепчу я, из-под стола тут же показывается седая мордочка, — держи, - протягиваю собачонке заветное лакомство. Бедняжка минут сорок капала слюной, свесив лапки с мордочкой через высокую мягкую спинку дивана.

- Бишли! — Со стороны до меня долетает испуганный писк Аграта: - Ты обещал огородить меня от психозов этой идиотки!

— Что ты делаешь? — В ту же секунду в мою руку впились еще цепкие пальцы Нолы, ее опухшая, покрасневшая от злости морда нарисовалась у меня перед носом: - Кто это будет убирать? — недовольно ворчит старуха, трясая башкой, точно старый индюк!

— Я! — Выдернув руку из цепких лап бабки, вылетаю из-за стола, следом за мной на пол грохается стул!

Один.

Утренний морозец сковывает мою полуголую плоть, покрывая обнажённые участки кожи мурашками. Довольно глупо вылетать при -3 на улицу в футболке и пижамных шортиках. Жаль, у меня нет иного выбора.

Два...

На дрожащих от холода губах оседает тёплый пар:

- Пожалуйста, отпустите ее! Пожалуйста! – Кричу сорванным голосом, едва поспевая вслед за соседом. Запинаясь и падая на бугристые, корявые корни старых, высоченных елей. Весенние дожди размыли твердую почву в лесочке у дома, превратив ту в зыбкую грязь, утягивающую меня глубоко в свои недра! Из глаз хлещут слезы, а душу раздирают отчаянные вопли: - Отпустите ее! Нола! - С надеждой оглядываюсь на телепавшую позади меня бабуку, а та с садистской ухмылкой обнажает оставшиеся пару желто-коричневых зубов! Давая понять, ей далеко плевать на мои унижительные мольбы!

- Ну что, здесь? – Мужик из соседнего дома скидывает с широкого покатого плеча себе под ноги тяжелый картофельный мешок, из которого всю дорогу доносится жалобный скулеж!

- Фара! – Только вскрикнуть успеваю!

- Подожди! – Стив грубо осаживает меня, толчком в грудь. Я падаю на задницу, выбивая из легких последний вздох. – Все самое интересное впереди! – Мрачно предупреждает, разражаясь истерическим смехом.

- Чего ржешь, идиот? – Осаживает того бабуля. – Стреляй же! Медленно поворачиваясь в мою сторону, ее растрепанные пепельно-сизые волосы укрывают морщинистую мстительную морду, а сухие темно-коричневые губы кровожадно растягиваются, меня тут же уродует ужас при виде остерве-

нелого взгляда бабки, прожигающего во мне пламенеющую дыру.

После смерти матери у меня осталась лишь ее собака Фара, и лишить меня этой псины означает лишить всего. И Нола об этом прекрасно знает, намеренно продолжая красть мои последние воспоминания о мамочке.

- Ну ладно тебе! — Не довольно забурчал здоровяк, засовывая левую лапищу в широкие засаленные темно-серые джинсы. — Сейчас все сделаю! — С подозрительным восторгом заявляет мне, вынимая из-за спины самодельный обреза, другой принимается развязывать мешок, вытряхивая из него в бессознательном состоянии измученную собачонку, морду перепуганного существа до крови туго сковывает белая тонкая веревка.

У меня сердце ушло в пятки!

— Нола, — Дрожащим голосом пишу.

Волоча собственное обессиленное тело сквозь грязь и рвы, к ногам женщины напоминавшая безликий манекен. — Прощу тебя! — С трудом сглатываю отчаяние, обжигающее глотку точно раскаленный металл. — Не убивай ее, я буду покорной.

Куда покорней?

— Ия, детка, — манерно перебивает меня бабка, — твоему покаянию позавидуют святые. - Ее морщинистые, грубые пальцы впиваются в мое личико, стискивая скулы что есть силы. — Я убью эту шавку, убью так же, как ты убила нас!

— Нет! — Трясу головой из стороны в сторону, отползая назад. — Боже! — Поджимая в бледную линию пухлые обескровленные уста. — Не надо!

Громкий, резкий хлопок напоминающий удар молнии, в полсекунды окрашивает черным вороньем хмурое весеннее небо, те встревоженно завились над головами, истошно выкрикивая: -Неудачница!

Ворвавшись в комнату, скидываю с себя, прямиком на пол, пропитавшуюся потом футболку с липкими штанами, прыгая в одних трусиках под холодное одеяло. - Дура набитая! — Ругаю себя, едва сдерживая подкатывающие к горлу слезы. Десять лет пустых мечтаний о лучшей жизни в Линк-Гроу с братом!? Кидаю взгляд на настенные часы, полдевятого, затем резко в сторону двери.

— Можно? — В дверном проеме показывается взъерошенная голова Бишли.

Быстренько нацепив маску безразличия, натягиваю одеяло на грудь, позволяя тому войти.

— Я понимаю, — елеинно произносит, насквозь прокалывая иглами своей фальшивой интонации мою больную душу. — Тебе тяжело принять правду Ия, но она такова. — Поидиотски пожимая плечами. — Пристально вглядываясь в мои блестящие от соли глаза.

Понимает? Вся моя жизнь оказалась последним вздохом перед тем, как оказаться раздавленной в лепешку безразличием брата. Шестнадцать лет я гнию в дурном смраде мысли-

шек о самоубийстве, единственное, что не позволяло свести счеты с жизнью, чертово обещание Бишли забрать меня из этого гребанного хаоса. Язык прижался к нёбу, я судорожно закивала ему в ответ, унимая в груди предсмертную агонию.

Всю дорогу меня жестоко пытали, заставляя безмолвно выслушиваться в рассказы брата о потрясающей, насыщенной жизни в Лин-Гроу. Пока он усердно вытирал об меня ноги, я завистливо пускала слюну на его успех в сложной работе детского психолога, как губка, впитывая в себя захватывающие истории о дальних странах, культурах и религиях! Мне изо всех сил приходилось сдерживать щемящую боль в сердце, тая в фантастической чистой любви, заполняющая Биша к Аграт.

В сердцах я надеялась она сдохла от передоза. Ведь эта шкура украла мой единственный счастливый билет выбраться из этого чертога ада!

Но у каждого свой ад.

А затем Блер опять открывал рот, восторженно выплевывая: - Бла-бла-бла, — заставляя ощущать себя ничтожеством, нелепым черным пятном на дурацкой картине экспрессиониста, полной сочных тонов и ярких мазков. В такие моменты различие между нами очевидно невооружённым взглядом, мой мир испоганили червоточины, заполненные борьбой и безумным страхом за собственную шкуру. Его мир — дорогие костюмы, машины, красивые и успешные женщины, светские мероприятия и званые ужины. Вот и

чувство моего ничтожества впору возводить в квадрат. Всю дорогу я варилась в едком соке зависти, пока мы не припарковались на газоне у дома.

Я не решалась прервать захватывающий монолог гостя, хоть заведомо знала о его увлекательных историях наперед. Мы мало разговариваем с бабулей, но, если нам удастся перекинуться парой словечек, та обязательно брякнет о «старшеньком»: «Бишли добился престижной работы, купил свое жилье, занялся бизнесом, путешествует, кстати, — закаты-вая темно-серые с поволокой глаза за морщинистые тяжелые веки, вздыхает:

— Твой брат великолепный детский психолог, а чего доби-лась ты, Ия? — Тыча скрученным пальцем мне в лоб.

А чего я могу добиться в усыхающей от безлюдья деревне? Во мне амбиций столько же, сколько в американских мультипликационных принцессах — ноль! Сижу и жду свою крестную, надеясь, та легким повелением волшебной палочки изменит мою инфантильную, бессмысленно жизнь в лучшую сторону!

Красивым людям проще добиваться успеха и Биш тому подтверждение. А я, терпеть не могу свое круглое лицо, усыпанное созвездиями веснушек, погасший, забитый взгляд. Вечно путающуюся копну темно-янтарных кудрей, спускающихся к щуплым плечам. Худощавое тело, впавший живот, острые ребра, распирающие грудную клетку, я даже лифчики не ношу, ни на что надевать. Мерзко! Ни харизмы, един-

ственный, кто прислушивается ко мне, — собака умершей матери, но и та частенько куда-то девается! Сплошные «ни», и те душат меня своей безвыходной пустотой.

С прищуром оценивая чрезмерно симпатичную морду брата, пытаюсь не расплакаться и не показаться еще уродливее.

- Я в порядке, - отмахиваюсь, а у самой от обиды перехватывает дух.

— Уверена? — Кокетливо улыбаться, едва смачивая винные губы кончиком языка. Непокколебимое спокойствие нежданного гостя — настоящий бальзам для моего искаленного сознания!

- Я уж и думать забыла о недоразумении, приключившемся с нами в гостиной! — Не сосем уверенно делюсь сним!

— У тебя всё здесь написано! — Присев ближе, легонько щелкает меня по носу.

У-у, завывала про себя: сколько фамильярности, к такому я не привыкла. Мое тело напряжено, точно струна, вдобавок незаметно скользнувшая под одеялом мужская ручонка шустро касается моего колена.

Вздвогнув, я каменею от неожиданности. Честно говоря, меня трогали и за более интимные места, но не Биш спустя десять лет своего отсутствия.

В моём сознании бушует беспорядочные вихри мыслей, подобно бурному морю, где бурлящие волны идей разбиваются о скалы сомнений. Я теряюсь, захлебываясь солен-

ной пеной, испуганно шаря обезумевшем взглядом в поисках правильных реакций, но натываюсь на: будь это Трейверс Шилд, медбрат из психиатрической клиники, я давно хлебнула б с ним ледяной водицы, позволив шторму развить свое беспомощное тело на куски, потому что я хорошая девочка.

Пока я блуждаю по извилистым тропам своего разума, пытаюсь найти верный путь, Бишли неоднозначно шлифует мою по-детски растерянную физиономию ангельским взглядом, мурлыча под нос:

— Я не хотел задеть твои чувства.

Ты задеваешь больше, чем чувства — душу!

Я над чертовым обрывом, 1000 по фаренгейту внутренности сжимает с такой силой, что хочется взвыть от боли. Но я делаю шаг вперед, отнюдь не поэтому, меня переполняет азарт и эмоции давно рвущиеся из все возможных щелей, заставляя неистовы ныть соски от...

Я испуганно выпрямляю ногу, но тогда его теплая ладонь нежно скользнет вверх к бедру. Нежно лаская большим пальцем мою взмокшую от волнения кожу.

— Это психологический прием, - Я поймала его руку под одеялом, взмокшими, холодными педальчиками, прежде чем та коснулась моего нижнего белья. – Лапать сестру? – Надломлено произношу, подрагивающим от возмущения голосом.

Бишли понуро качнул головой. В жёлтом свете тусклой

лампы светло-каштановые волосы, стильно уложенные в канатку, благородно заиграли золотом. Длинные светлые ресницы гостя, обрамляющие большие глаза с тяжелым карающим взглядом, безжалостно плавящие меня, в точности восковую свечу. Он моргает, чувственно растягивая уста в дьявольской улыбке, на секунду решая меня кислорода.

Меня по капле становится меньше, и кажется, он догадывается, где.

Дрожь в коленках — лишь реакция на слишком крошечную дистанцию между нашими разгоряченными алкоголем телами. Мне страшно, его сила не ограничивается твердостью мышц, она захлестывает, бьет в лицо, сбивает с ног, словно ты стоишь перед смерчем, надвигающимся на тебя, чтобы уничтожить.

От столь долгого зрительного контакта с нежданным у меня вспотели ступни.

- Сестру? – Выплюнул с омерзеньем, - так, мы теперь родственники? - Приподнимая бровь, с нажимом проговаривает он. – Не смотри на меня как испуганный олень Ия, мы же оба этого хотим.

Я чуть слюной не поперхнулась!

- Хотим чего? – Не то, чтоб не поняла смысла, лишь хочу убедиться в его оговорке. Он ошибся, бывает. Биш пьян и определенно не соображает, а значит – мне не стоит заикливаться. —Какие у тебя здесь дела? — Торопливо перевожу тему, наконец сумев отвести от него неприлично одуре-

лый взгляд.

- Я не прибежал прятаться под бабкину юбку Ия, - Рычит полушепотом, вынимая из-под одеяла руку, его большой палец, еще некоторое время касавшийся моей взмокшей кожи, прильнул к чуть приоткрытым устам. Биш умиротворенно сомкнулись глаза, а ноздри расширились, заполняясь моим ароматом. – Мозги – поясняет брат, сладострастно выдыхая каждое слово, - Ахиллесава пята Блеров, и, кажется, я схожу сума.

Заметно! Испуганно выплевываю длинную струйку спертого в легких воздуха через сложенные в трубочку губы, аккуратно отодвигаясь от гостя. К счастью, кровать широкая.

- Не ты один, после смерти матери Нолу обуяла бесконечная тоска, вырывающая с корнем мимолетные оттиски ее здравого смысла. Бабуля окончательно свихнулась. – Огорченно мычу себе под нос, накручивая на палец длинную кудряшку.

— Ия... — Бишли растерянно уводит хмурый взгляд в сторону раскрытого шкафа, из которого вывалилось мое блядское нижнее белье. Что поделать, у меня дешёвый вкус! Пару секунд Блер завороченно «любуется» кучей кружевной синтетики, а после перекидывает взгляд на прибитый к стене крючок с висевшей на нем затасканной бейсболкой! Столько воспоминаний в небольшой пыльной комнатухе. Он вычеркнул из жизни этот дом, меня, а я сохранила каждую его тряпку в надежде, что те ему когда-нибудь пригодятся! При-

годились: я живу в его комнате, использую старый, треснувший от влаги шкаф, сижу на шатающемся стуле, сплю в кровати, на которой он трахал Аграт. Драю по субботам зачуханный ковер, долгое время служивший блондину негласной пепельницей! Все эти чертовы вещи не позволили мне забыть задорного веселого мальчугана, стрелявшего за сараем по птицам из охотничьего ружья отца! В глубинах моей памяти остался тот же беззаботный смельчак, носившийся по полю во время грозы и громко кричавший: «Я повелитель молнии!» Свободолюбивый разбойник, тайком смывавшийся с друзьями на пруд, куролеся там до самого вечера.

Но я забыла.

Неторопливо спускаясь вниз по крутой лестнице с узенькими ступеньками, я с любопытством разглядывала высокого статного мужчину в дорожном костюме. Кубики пресса, просвечивающиеся сквозь тонкую ткань водолазки, заставляют меня жадно кусать губы, мысленно раздевая чужака, ведь таких особей в «Кроус-Бик» днем с огнем не сыскать. К черту пиджак! Сорвав недешевую тряпицу с плеч незнакомца, воображаю свои пальчики, нежно лоснящиеся по обнаженной мужской груди. Огромные мускулистые руки крепко хватают меня, за тонкую талию и насаживаю до предела на здоровенный член. Живот занял от приятной боли, я тихонько выдыхаю сладкий стон в уста незнакомцу, разбиваясь в захватывающем омуте глаз чужестранца, заморожено любуюсь идеальным чертам лица и малюсеньким, едва за-

метным шрамом на левом виске.

За долю секунды внутри все мертвенно застыло. В ушах глухо забарабанило сердце, бам-бам-бам, становясь с каждым ударом все громче и тяжелее, заглушая внутренний голос. С самого низа желудка к горлу предательски подступает неприятный колючий ком. Стирая с моего лица бывшее безумие.

Хмурю лоб, пристальнее разглядывая крутившегося по сторонам растерянного мужичка, державшего под мышкой плюшевую игрушку.

Как во всем этом количестве напыщенности, химерного шика и хваленного высокомерия я сразу не смогла разглядеть грубого, дерзкого засранца, и ума не приложу!

— Он приехал забрать меня! — Еще не зная всей подноготной, ликую я, слетая на крыльях счастья с лестницы прямо в объятия брата!

Я ошиблась, в очередной раз ошиблась в своих хрупких представлениях!

— Как же ты повзрослела! — Удивляется брат, не выпуская меня из горячих объятий. Его голос окутывает точно теплое одеяло и успокаивает, заставляя отбросить от себя навязчивые воспоминания, терроризирующие мою память! Незатейливо лаская кончиком большого пальца мою розовую от смущения щечку. — От женихов отбоя нет! — Радостно заключает, разглядывая мою сияющую от восторга мордашку!

У меня нет отношений. Я безвозмездное достояние Кро-

ус-Бик

Былые мечты о принцах и интересной, захватывающей жизни посыпаны прахом. Моим прахом. Молодых людей в городе почти не осталось, а те, что есть, превратились в настоящих чудовищ, окрысились, став хуже зверей. Все мои половые партнеры — ублюдки преклонного возраста. О любви и речи быть не может, им нужно мое сломанное тело для реализации своих сексуальных утех. Им плевать на мои чувства: боль, унижение, страх!

Вынимая из меня дряблый хер, мужлан тщательно обстучит тот об мой лобок, стряхивая с головки остатки спермы. Запахавшись, подытожит: «Сегодня прям огонь!»

Видимо, подразумевая огонь, сжигающий меня изнутри за слабость и бесхарактерность! Силу встать и уйти!

Я научена горьким опытом, несколько раз меня хорошенько избивали за самоуправство. Теперь боюсь: ни синяков, угроз или чертовой смерти. Боюсь оплошать, подвести себя, не суметь сбежать, скрыться от неминуемого ада!

Было время, путалась с Генри, его папаша — хозяин местной скотобойни, несколько лет назад смотавшийся в большой город для реализации заработанного капитала на полудохлых коровах. Целая деревня бедняков, работала за ничемные копейки на скотобойне. Нола не исключение, до пенсии подрабатывала одной из доярок в коровнике, тогда это место еще было фермой. Душещипательные рассказы бабули о мерзких домогательствах к ней мужчин в коллективе

Долкина старшего, мне не забыть по сей день.

А вот Долкин младший -единственный достойный жених в нашей глуши, денег у него выше крыши, а вот на рожу гадкий, про характер вообще молчу! Парнишка родился с серебряной ложкой во рту, хотя нет, с целым столовым сервизом в заднице, ведь иначе его припизднутую утиную походку объяснить нечем! Любитель запрещенных препаратов и крепкой выпивки. Также не прочь выяснить с кем-нибудь отношения, особенно если соперник — маленькая хрупкая девушка, как я!

Я боюсь Генри, при одном только взгляде на него превращаюсь в цельный, безвольный кусок мрамора, и пока этот никчемный рефлекс отлично сберег мою шкуру.

Генри не бояться местной полиции. С отъездом отца научился решать свои проблемы самостоятельно и довольно жестко. Этот распиздяй привык иметь желаемое: дорогие вещи, пацки, путешествия, женщин — их тела, но не любовь, мы попросту не считаем его мужчиной, мразью — да! Вот тут-то и начинается весь сок! Если его косой левый глаз упал в твою сторону, а ты якобы ни сном ни духом, он изнасилует тебя, а потом изобьет до полусмерти, либо он изобьет тебя до полусмерти, а затем трахнет. А если попробуешь об этом кому-то рассказать, то спустя месяцы волонтеры отыщут твоё холодное, изглоданное червями тело за лесным массивом, на край в полях.

Меня не страшит мысль потерять жизнь, слишком часто

брали силой, вот и отвыкла сопротивляться, да и к чему строить из себя монахиню! Бабуля с превеликим удовольствием сбагрила меня в психушку, отказавшись финансировать мое лечение. Без матовых розовых пилюлек я окончательно свихнусь, поэтому приходится совокупляться с главврачом больницы за таблетки. В Генри есть свои плюсы, его заботило мое эмоциональное спокойствие, из-за чего подгонял по блату траву, мне то всего нужно было с ним трахаться. А при нашей случайной встрече пару дней назад, предложил возобновить стабильные половые отношения. Ведь девушка я хорошая. Мне действительно стоит задуматься над предложением.

— Не знаю, твоих истинных мотивов. Думаю, Нола вряд ли тебе поможет. — Улыбаюсь на гнетущее молчанье собеседника.

- Я не сдамся, — С придыханьем отвечает, бережно касаясь кончиком пальца моей щеки, коварно добавляя. — Избавление сделает нас с Аграт счастливее.

Не успел тот договорить, у меня глаза от злости кровью налились, на шее выступила пульсирующая вена, а выражение лица затараторило от возмущения, хотя какого черта заорало каждой гребаной мышцей:

— Ты мразь! А я не хотела быть счастливой? — Обрываю голос до хрипа. — С девяти лет мне приходится прыгать по хуям, по велению нашей бабулечки! Чёртов эгоист! — Гневно завершаю!

— Сладкий! — В комнату без стука влетает полуголая Аграт в распахнутом тонком шелковом халатике, держа в руке зажженную сигарету. — Мне не уснуть без тебя, — противно гнусавит!

— Убрал отсюда свою шлюху! — Завопила я!

— Сумасшедшая! — Брызжет слюной та в ответ, надменно вытаращившись на меня.

— Выйди! — Строго командует ей блондин, и та беспрекословно подчиняется. — Возьми это! — Монотонно произносит, глядя мне в глаза, словно удав, гипнотизирующий свой костлявый ужин, холодно наглаживая кисти моих рук, прижатые к одеялу на груди.

Это просьба, приказ, предложение? И почему в омуте серо-зеленых глаз я вижу больше пошлости, чем братской заботы? Я испугано замотала головой, понятия не имея, что черт возьми он несет! Что я должна взять! В его омуте слишком много подводных камней, и это пугает.

Как только он выходит из моей комнаты, не получив желаемого ответа, я взрываюсь! Руки взмокли и пошли жутким тремором! Нырнув головой под кровать, вынимаю из-под нее пузырек снотворного, насыпая целую горсть глянцевых белых таблеток, заглатываю разом лошадиную дозу без всякой воды:

Спуск начинается не с шага — с чёта.

Один.

Камень под босой стопой влажный, скользкий.

Кап, кап, кап. Бьет над головой, я упоённо лаская тонкими пальчиками старые, холодные, каменные стены глубокого колодца, поросшие зеленым мхом и гребком, омывающиеся бежавшей тонкими струйками откуда-то сверху алой густой кровью.

Два.

Воздух густеет, будто его можно пить- и захлебнуться, с трудом проглатывая вязкие куски кислорода.

Три.

Я не понимаю зачем иду вниз, но точно знаю – останавливаться нельзя и замороженная глухим шепотом, медленно спускаюсь в одних трусиках вниз по скользким от жижи ступеням, считая каждый проделанный шаг: пятьдесят, сто...

Счёт распадается, мысли вязнут, как ноги в холодной алой субстанции.

....Двести...

Колодец дышит, и я вместе с ним.

Шестьсот шестьдесят шесть. Последняя ступень встречает меня тишиной.

Внизу меня встречает глухой стук, раздающийся во мраке длинного старинного туннеля, по бокам жмутся высокие стелы с выгравированными письменами на непонятном мне языке. Едва опускаю босой носок на рыхлую почву, меня окружает удушливая пелена песка и пыли, рвущие легкие на куски. Робко сделав первый шаг, тут же режу кожу ступни о металлическую стружку. Боль вспыхивает резко, почти

радостно. Жива. Значит я не сплю.

Не глядя на звериное желание, граничащее с каким-то примитивным рефлексом самосохранения, побыстрее покинуть это место, не сбежать, не скрыться! Сердце вероломно рвется из груди, нет пути обратно, мне не выбраться, лестница, находящаяся за моей спиной, превратилась в высоченную холодную бетонную стену без единого лаза!

— Ты должна идти вперед на звук и мой шепот! — Твердит рычащий голос, мрачный и глухой, будто раздающийся не с наружи, а внутри меня.

Тук. Тук где-то впереди, тук, стучит металл о металл, и я покорну иду на звук.

Несколько часов, изможденная духотой и жаждой, блуждаю в лабиринте из туннелей, крадась вдоль стен, изрытых камнями острыми, как скальпель, иногда нарочно касаясь их ладонью, рассекая кожу в кровь. Когда надежда на спасение покинула меня с последним сознательным вздохом, где-то поблизости наконец-то раздается истошный крик, заставляющий меня всполошиться, собраться и ускорить шаг.

Лицо обдаёт жаром. Я вываливаюсь в пространство больше похожее на утробу чем на комнату. Наковальня. Огонь. И она - старуха. Сгорбленная, с кожей похожей на пересохшую кору дряхлого дерева и глазами, слишком живыми для этого тела. Она даже не смотрит на меня. Только бьет. Тяжелый молот опускается на раскалённую наковальню снова и снова.

Тук. Тук. Тук.

Мой голос, сбитый и уставший от долгой ходьбы, надломлено ударяется об лоснящиеся ярким огнем стены, изобилующие восхитительными драгоценностями: - Я на дне колодца, - испуганно произношу.

— Не совсем! — Малодушно хмыкнула подозрительная, крошечного росточка женщина, уже копошившаяся в дальнем углу овальной пещеры. — Какого быть незнамо кем? — Удивленно вскрикнула, расторопно поворачиваясь в мою сторону бледным уродливым тельцем. — Тебя дважды обокрали. — С досадой произносит, отлаживая в сторону крючковатую кочергу, вопросительно на меня уставляясь. - Кого быть абсолютно пустым сосудом?

- Что вы имеете ввиду? — Заинтересованно подаюсь корпусом вперед.

- Прошлый опыт делает нас теми, кто мы есть, - неторопливо проговорила старуха, обтирая черными ладошками мешкообразное рванное тельце, - твои воспоминания украдены, а значит твое лицо стерто, но я могу помочь.

- Как? — С любопытство разглядывая изуродованное лицо незнакомки с обрубленными под корень ушами.

В воздухе витает статическое напряжение, поднимая кончики моих волос вверх, накаляя чувства до такой степени, что ноги подкашиваются и хочется спрятаться в какой-нибудь дырке! Страх усилился теперь он не просто ограничивается примитивным рефлексом спасти свою никчемную шку-

ру, здесь, кажется, спасти нужно нечто иное. Меня с ног до головы заполнил гудящий мрак, я моргнула, увидев себя со стороны:

Я Сижу на полу в гостиной, окруженная свирепыми клыкастыми тварями. Подо мной закипает алая лужица крови, густые тяжелые капли медленно вздымаются вверх, образуя колесовидные рыхлые сети. Грудь испепеляет ужас. Сжимаясь в малюсенький дрожащий от истерии комочек, силюсь заставить себя отвести глаз от оскаленных морд, их длинные языки жадно слизывают бурлящую на брыльях слюну. Подкрадываясь ближе, демоны глухо рычат, опаливая до дыр адским дыханием натянутую на меня футболку, перепачканную хлещущей из-под нижней челюсти кровью.

- Брр, - затрясся головой, надеясь избавиться от кошмарных ведений, запинаясь, выплюнула, - у меня диссоциативная амнезия после падения. - Внутри стало пусто, безбожно пусто.

- Я излечу твой разум, вытащу из забвения душещипательные воспоминания, разве не этого желаешь? - По-доброму ухмыляется старуха. Хромая, ко мне вперевалочку.

Не уже ли мне удастся заглянуть за плотную вуаль забвения. Даже думать страшно какие демоны могут за ней оказаться.

- Разве это возможно? – Не веря не единому слову незнакомки, все решаюсь уточнить:

- Разве это возможно?

Между делом пощипываю себя за руку, вдруг выйдет проснуться.

- Я богоподобна! – Властно возглашает она! – В моей власти вернуть не достающие механизмы твоим угасающему я, нужны лишь отмычки, ягодка, - мрачно качает головой. – Но для этого, ты кое-кого для меня выносишь.

— Значит вы ведьма? На добрую фею точно не похожи! - Полушепот неловко соскользнул с губ, разбиваясь на осколки об пол, усеянный человеческими костями. Черт! Вскрикнула я, перепрыгивая с ноги на ногу от ужаса!

— Меня по-разному называли! — Сквозь смехок поясняет. — Да не бойся, — успокоительно скрипит ее таинственный голос. — Нечеловеческие!

— Чьи же? — Разглядываю разбросанные повсюду огромные расколотые черепа.

— Это таинство никому не даровало должного облегчения, ягодка. Похрипывая, рассмеялась она.

- Туннель сюда засыпан невероятно острой металлической стружкой, я изрезала все стопы, добираясь сюда, - жалуясь той, разглядывая запеченную на ногах кровь.

- Никакой святости, - хихикает, - своими грязными пятками ты топталась по тончайшему гиацинту! Перьям. Но я поведаю тебе об этом в следующий раз.

— Сумасшедший сон, не иначе?! — бубню себе под нос, внимательно осматривая мрачное помещение, подсвечивающее яркими оранжевыми языками пламени, вырывающимися-

ся из старенькой наковальни. Этого достаточно, чтобы разглядеть не меньше сотни свисающих с потолка изуродованных тел новорожденных.

Атмосфера кажется здесь на столько же знакомой, как и чужеродной, принципе, как и все в это отвратительном месте, начиная с жутких детских тел, кончая кубками в стене. Память за кровоточила как тонюсенькая ранка, только что покрытая еще влажной корочкой.

Сначала просто мысль- неоформленная, невнятная, но уже достаточно тяжелая и пугающая. Менжа забурлила в подкорке, набрасывая дрожащей ручонкой план побега! Да вот, кажется, по собственному желанию отсюда не сбегают!

- Я не могла здесь быть раньше! – Взгляд испуганно цепляется то за то за собачью голову, прибитую к стене, то за желтые сальные простыни, небрежно сваленные в углы.

- *Infernum non creat – reflectit.* – произнесла та, а затем пояснила, – А не создает он отражает. Отрываясь от тяжелых углей, лежащих в кучке на полу.

- Не правда! – возразила, а возразила ли, или неуверенно переспросила, кусая ногти в кровь. Но поздно, правда уже сложилась. Не сразу. Острыми кусками. – вы убили их! – Испуганно указываю на висящих на цепи младенцев!

- Их нет, - с грустью произнесла, - Я делаю их заново, - продолжила после недолгой паузы, ее лицо выглядело весьма задумчивым, словно та пыталась подбирать для меня подходящие слова, - кости, плоть, лица. Но душу... душу вернуть

нельзя. Она подняла голову и поджала в уныние тонкие сухие губы. – Ты видела их: пупсы, куклы, игрушки под потолком.

Я испуганно отвернулась. Трещась в ужасе, шепчу липкими от пота губами: – Ни одно и тоже!

– *Omnia eadem sunt!* – буркнула в ответ. Сплюнув нечто черное и густо в сторону, выгибает спину назад, подпирая поясницу худущими ручонками.

Тишина стала тяжелой, душной.

– Зачем говорите мне об этом? – рука уже давно на груди в надежде удержать рвущееся из ребер испуганное сердечка.

– Я не рассказываю, – ухмыляется, сверкая коварным блеском глаз сквозь сальную копну длинных седых волос.

Над нами вновь зависла долгая гнетущая пауза.

– ты вспоминаешь! – Ее изуродованный рот медленно растянулся в звериный оскал.

И она права. Не аккуратно, болезненно, словно вырванные на живую куски моего бытия и небрежно утрамбовано в этот чертов сон, сплелись в одну нелюбезную, но правду подобную реальность. Но я слишком слаба, признать это вслух.

– Не может быть? – Категорично заявляю.

– Не будь так критична. Все женщины сестры. – Поморщилась ведьма.

– Чего? – Пячусь назад, и кажется скоро упрусь спиной в стену. – Месяц назад мне стукнуло шестнадцать, вам... – При

всем желаним 300-х лет будет мало, про себя додумала я.

– Было две великие матери, положившие начало всем женщинам! – Довольно ставит меня перед фактом, разводя руки в стороны. – У нас с тобой первая, - лукава смотря на меня сквозь дьявольский прищур.

Я точно несчастная змейка лишена клыков для самообороны в ужасе оцепеневшая перед коварным факиром.

- Я не дочь Лилит, - жестко отрезаю.

– Посмотри на свое тело Ия, – укоризненно указав мне на живот, – сломано бесами и повержено дьяволом. На святую плоть, так не зарятся.

От ее слов по коже помчался мороз.

– Дочери Лилит сильнее, жестче. Мы выбираем борьбу вместо позорного побега, – Тщеславно заявляет! – Я верну то, что тебе принадлежит по праву, а ты поможешь мне, договорились? – Не успев хорошенько по раздумывать над предложением, казавшееся мне весьма странным, старушка ловко шмыгнула к открытому огню.

– Что вы делаете? – Подступив ближе к женщине, обессиленно замираю у наковальни.

Старушечка с огромным горбом и всклокоченными посеребренными волосами, одним движением руки вынимает из мрака здоровенный кусок металла, с непринужденной легкостью швыряя массивную пластину на раскалённую наковальню, принимается шустро орудовать тяжелым молотом, выковывая из него стального плачущего младенца, пре-

вышающий в размере обычного дитя в несколько раз!

- Ему больно! - Кричу ей! — Ему ведь больно! — Не решаясь вцепить в рукоять раскалённого орудия!

А та, улыбаясь, умиротворено отвечает: - Без спермы скотать сосуд нелегко! — Скаля клыкастую гнилую пасть! - Через пару минут тело будет готово!

Разинув от удивления рот, я ахнула во весь голос: - Чего?

- Плод! — Поправила себя та. - Возьмешь дар? — Выжидательно впиваясь в меня глазами.

- Да! — Бездумно соглашаюсь, кивая головой. Только бы он не плакал! Он так мал, а льет столько горьких, огненных слез! Сердце кровью обливается, глядя на столь жуткую несправедливую картину.

- Ну-ка, ну-ка, — Ведьма с трудом поднимает огромное орудие, подтаскивая к моему животу. - Великоват! — Огорченно заключает сумасшедшая. - Сейчас исправим! — Задорно швыряя плод своего творения обратно на наковальню.

От неистовых криков младенца я схватилась за голову. Клянусь, я слышала хруст детских косточек!

- Между нами нет, ничего общего! — В захлеб реву, сглатывая текущие ручьем по щекам слезы. - Разве так можно с детьми?

- *Unum in nobis verum est, deus nun dirigit justos. Omnes liberos ad purgatorium accipiam. Quod suus quid ego in infernum,*— Мрачно напевает пожилая женщина, забивая

пространство тяжелым, гнетущим разум вокалом, от которого в петлю хочется лезть! Схватив стальные стеки, приступает орудовать ими над тельцем. Во все стороны полетели ошметки, брызжет кровь, рвется нежная, тонкая детская кожа!

Из густой рябой темноты появились бесформенные, электрические сферы, жадно поглощая в себя разбросанные повсюду останки несчастной жертвы.

Оцепенев от страха с застывшим криком на устах, я громко сглотнула испуг. Под ногами поплыл мощённый костями пол. Голова кругом, тянет присесть, да вот некуда. Я потерянно опускаюсь на корточки, обхватывая взмокшими ручонками сальную кожу предплечья.

- Примерим? - Старуха небрежно стянула изуродованное, искалеченное тельце, обкромсанное до размеров крупной цыганской иглы.

- Что это? – Поднимаю голову, истошно воя: – Игла? - Хватаясь за сердце!

- Игла! – Задорно подтверждает, почесывая свисающее до кривых щуплых коленок дряблое пузище. - Теперь-то от земной простушки не отлечь! – Протягивая мне сморщенную, испачканную кровью и пузырящими ожогами ладонку с лежащей на ней мертвой плотью.

- Зачем вы это сделали? - Мои глаза заполнил удушающий ужас, с каждой секундой делая их шире. Тяжело сглатывая застрявший в глотке сухой ком, уже готова забрать изувеченное создание, как та вскрикнула:

- Ребеночку не выжить в мертвом чреве! - Исподлобья предостерегает ведьма, указывая кривым когтеобразным пальцем на мой живот. - Положу его в иное место! - Шустро сбегав за парой инструментов, развешанных на высоченных стенах убежища, возвращается обратно, с клином в одной руке и не большим молотом в другой, ловко вскарабкавшись ко мне на плечи, возносит орудия у меня над головой! – Noli timere, мы уже мертвы детя. Ибо терпим боль в немом покаяние.

Не теряя времени, я вновь киваю головой!

Я не мать и никогда ей не стану, но, глядя на происходящую жесть, во мне сжалось и заверещало закопанное в глубине сломленного «я» чувство материнства! По лицу стекает киселеобразная черная масса, меня терзает адская боль, а ведьма, не останавливаясь, с наслаждением раскраивает мой череп, раскрывая костяные лепестки, бережно вкладывая между половинок полушарий орущего младенца размером с иглу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.